

Б. САДОВСКОЙ

Конец акмеизма

Вслед русскому футуризму, сошедшему, наконец, этой весной со своей скандальной арены, окончился и акмеизм. Это было явление уже чисто «российское», заставлявшее вспомнить одного тургеневского героя. «Одежда на нем была немецкая, но одни неестественной величины буфы на плечах показывали, что кроил ее не русский — российский портной». Только у нас на Руси и возможно обоснование теорий прежде практического их осуществления, утверждение сначала голой буквы, а потом уже слов. Акмеизм был выдуман года полтора тому назад поэтами Гумилевым и Городецким. Тому, кто пожелал бы узнать, что такое собственно акмеизм, следует ознакомиться с № 1 «Аполлона» за 1913 год. Там, на восьми страничках, коротко и в достаточной мере ясно изложена эта незамысловатая теория. По словам г. Гумилева, акмеизм (он же и адамизм) «идет на смену символизму». «Как адамисты, мы немного лесные звери», говорит г. Гумилев. «Всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками, вот принцип акмеизма». Г. Городецкий смотрит на дело еще проще... «И уродство», говорит он, «может быть прекрасно». «Отныне (с 1913 года?) безобразно только то, что безобразно».

Мы не будем сейчас входить в подробное рассмотрение того, насколько правы творцы акмеизма в своих утверждениях, но из приведенных цитат ясен российский покррой их немецкой одежды. Короче говоря, поэты-акмеисты должны были явить собою расцвет молодой силы, быть свежими, как первозданный Адам. Так думают г.г. Гумилев и Городецкий, точно им неизвестно, что «поэты рождаются», что нельзя зародиться произвольно целому поколению акмеистов или адамистов. Попробу-

ем рассмотреть теперь три последние книги акмеистов и на основании их попытаемся сделать кое-какие выводы.

На первом месте следует поставить «Четки» Анны Ахматовой. Г-жа Ахматова несомненно талантливый поэт; именно, поэт, а не поэтесса. Имя ее в истории русской поэзии достойно стоять наряду с именами Лохвицкой и Гиппиус. В поэзии Ахматовой чувствуется что-то родственное Блоку, его нежной радости и острой тоске; можно сказать, что в поэзии Ахматовой острая башня блоковских высот, как игла, пронзает одинокое нежное сердце. Ахматову упрекают в однообразии, в том, что она мало «ищет»: но чего же искать поэту, нашедшему себя, и причем вообще в святом деле искусства все эти суетные «искания». Всякий поэт дает, что у него есть, и странно требовать, чтобы легкая женская нога оставляла за собою тот же след, что закованная в железо нога сурового воина.

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе,
Ты, всегда в путях своих уверенный,
Свет узревший в шалаше.

И тебе, печально-благодарная,
Я за это расскажу потом,
Как меня томила ночь угарная.
Как дышало утро льдом.

В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала,
Знаю: брата я не ненавидела
И сестры не предала.

Отчего же Бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это Ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас...

Чудесные стихи, но что в них общего с акмеизмом? Лирика Ахматовой — сплошное горе, покаяние и мука, истый же акмеист (если таковой вообще жил когда-либо на свете) должен быть самодоволен, как Адам до грехопадения. В самом задании акмеизма отсутствует трагедия, отсутствует переживание запредельного, — другими словами, отсутствуют в нем основные элементы подлинной лирики.

Переходим к книге С. Городецкого «Цветущий посох». Поэтическая судьба г. Сергея Городецкого печальна и поучительна потому, что на наших глазах из огненного певца непочатой яри превратился г. Городецкий в обыкновенного литератора,

поставщика посредственного журнального материала. Как-то сразу разменялся на мелочи Городецкий и вошел в толпу, но вошел как равный, как свой: он полюбился толпе и был ею принят, как равный. Угодливое и в сущности безразличное признание массы окончательно погубило творческую будущность г. Городецкого; отсутствие самокритики доделало остальное. Художник Городецкий не уважает своего труда, не уважает искусства, относится к делу зря, спустя рукава, а искусство за себя всегда беспощадно мстит. Поучительна судьба С. Городецкого тем, что на примере его в тысячный раз роковым образом оправдалась страшная история героя гоголевского «Портрета». Предисловием в книге г. Городецкий пытается убедить самого себя, что акмеизм не только существует, но что он есть «мировоззрение, категорически утверждающее первенство и главность (?) для нас, людей, нашего земного мира». И это подтверждается стихотворениями во вкусе Леонида Афанасьева, например, следующим:

Торжественная пляска будней,
 Пустынных дней позорный ряд
 Безумных женщин безрассудней
 Мне о прекрасном говорят.

Я в каждом жесте, в каждой маске
 Убитых пошлостью людей
 Читаю призрачные сказки
 О красоте грядущих дней.

И подобных «восьмистиший» перед нами целая книга. При чем же тут акмеизм? И в чем его выражение?

Продолжая аналогию между автором «Цветущего посоха» и героем гоголевского «Портрета», можно сказать, что последние стихи г. Городецкого напоминают нам роковой момент в жизни художника Чарткова, когда захотел он вернуться к прекрасному строгому искусству, но увы: рука его, привыкшая к трафарету, помимо воли выводила на полотно все те же заученные и замелькавшиеся черты.

Г. Вл. Юнгер, автор книги «Песни полей и комнат», обнаружил несомненные способности к составлению хороших стихов, художественный вкус и наблюдательность в описательных местах, но всего этого, конечно, еще слишком мало, чтобы считать его настоящим поэтом. Г. Юнгер — чуткий эстетик и в качестве такового при всех данных, говорящих в его пользу, никак не может быть зачислен в ряды акмеистов. Бесконечно далеко от акмеизма такое, напр., стихотворение:

Я запер дверь. Свеча дымится тускло.
В глуши задвинутых малиновых портьер,
Жгу милое письмо. Мне весело и грустно.
«Mais je n'ai pas beaucoup de caractère».

Мы видели, насколько далеки от задач акмеизма его вожди и неофиты. Теперь в особенности после устремления в сторону тоскующей лирики, после падения иных и рождения новых поэтов странно говорить об акмеизме как о существующем явлении жизни. Он существовал лишь на бумаге, в статьях г.г. Городецкого и Гумилева.

В заключение хочется обратить внимание на странный обычай наших молодых поэтов: сбиваться стайками, составлять из себя непременно маленькую толпу. Раньше стадность была чужда истинным поэтам (ты царь — живи один) и менее всего во имя каких-то своих приходов. Конечно, Фет в своем деревенском уединении никогда не интересовался тем, что пишут Майков или Полонский и каковы их взгляды на поэзию. Задачи прежних поэтов были шире и важнее, литературная кружковщина для них не существовала. Нынешние поэты слишком обособились от жизни, слишком ушли в мелочи своих школ и учений. Явление несбывшегося акмеизма хорошо это подтверждает. Если поэту претит быть одному, как орел, то, сбиваясь в кучу себе подобных, он утратит незаметно свои царственные права и уподобится воробью, чириканье которого, наконец, становится не только нелюбопытным, но даже надоедливым.

